

А.Т.ШАШКОВ

ИВАН ЕВСТАФЬЕВ ВТОРОГО И ЕГО СЫН ЕМЕЛЬЯН

(из истории социального и религиозного протеста
жителей Заонежья во второй половине XVII в.)

В истории русского старообрядчества, в особенности его беспоповского направления, получившего широкое распространение на Русском Севере, представителям повенецкого семейства Второго принадлежит особое место. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хорошо известные по источникам и литературе обстоятельства появления в конце XVII в. и дальнейшего существования знаменитого Выголексинского общежительства.

Сами Второго свое происхождение вели от рода князей Мышецких¹. Если верить их семейному преданию, живший в Новгородском уезде князь Борис Александрович Мышецкий в начале XVII в., во время оккупации Новгорода шведами, будто бы удалился в Заонежье и обосновался в селе “по прозванью Пудожская гора”. Пожив здесь некоторое время, он принял монашеский постриг под именем Боголепа. “Сын его Иван в том селе был священником, тоже во иноческом чину под именем Ионы преставися”. Порфирий, первенец Ивана, также стал священником. От второго его сына, “простеца Евстафия”, и пошло, судя по всему, родовое прозвище Второго. Вскоре братья перебрались в Повенец². У Евстафия Второго были сыновья Яков и Денис. Внуком Якова Евстафьева являлся первый выговский уставщик Петр Прокопьев³. Более чем заметный след в истории Выголексинского общежительства оставили дети Дениса Евстафьева — Андрей, Семен, Соломония и Иван⁴.

В приведенной родословной, которая впервые была изложена в письменном виде в 1719 г. Андреем Денисовым в Слове надгробном Петру Прокопьевичу⁵, не названо имя еще одного сына Евстафия Второго — Ивана. Между тем этот человек, равно как и один из его сыновей, которого звали Емельяном, заслуживают особого внимания⁶.

Отделившись от семьи, Иван Евстафьев сын Второго переехал из Повенца в Никольский Шунгский погост, находившийся сравнительно недалеко — на противоположном берегу северной оконечности Онежского озера. Благодаря своей энергии и предприимчивости, он вскоре стал здесь одним из тех немногих “прожиточных торговых людей”, что “солью и всякими товары торгуют, ино... мочно такому иному человеку хотя половина погоста откупить и за росты участки к себе взять, а бедных выживет всех вон и останетца по своей мочи один на просторе”⁷.

В середине XVII в., в связи с постройкой в Рождественском Олонецком погосте государевой крепости и превращением нового города Олонца в центр уезда, сюда на посад в принудительном порядке были переведены из соседних погостов наиболее зажиточные люди, в числе которых оказался и Иван Евстафьев, сохранивший тем не менее тесные связи с Повенцом и Шуньгой. Так, чтобы иметь возможность жить в Шунгском погосте, он в течение многих лет являлся здесь церковным дьячком, “от посаду и от тягла и от служб убегая”. Весьма влиятельным человеком в Заонежье был и его уже упоминавшийся выше родной брат Яков: около 40 лет он был связан с Повенецкой таможенной (“год в таможни головою сedit, а в другой подьячим в той же таможни беспеременно”), за что получил прозвище “Повенецкого воеводы”⁸.

Еще в 1614 г. Никольский Шунгский погост был приписан к Тихвинскому Успенскому монастырю, однако через 9 лет его жители добились возвращения к положению черносошных крестьян. В 1643 г. погост вновь приписали к монастырю, из-под юрисдикции которого шунжане сумели выйти через три года. В третий раз погост отошел к Тихвинской обители в 1672 г.⁹, после чего начался новый этап борьбы шунгских крестьян с монастырскими властями за свою свободу, в которой братья Иван и Яков Второго приняли самое активное участие.

Так, после крестьянских волнений в конце мая 1672 г. Иван Евстафьев с двумя товарищами отправился в Москву искать справедливости. Однако ни щедрые взятки и посулы, ни ходатайство за них являвшегося в то время царским духовником благовещенского протопопа Андрея Савиновича Постникова, с которым шунжане имели давние и прочные связи, делу не помогли. Более того, по настоянию монастырских властей Иван Евстафьев 27 сентября того же года был задержан в Москве и отвезен в Новгород, где его две недели продержали в тюрьме на цепи. Освобожденный стараниями царского духовника, он тут же уехал в Шунгский погост, а через некоторое время вторично отправился в Москву, все еще надеясь на поддержку своего благодетеля Андрея Савиновича, которому он передал 150 рублей. Тем временем его брат Яков Евстафьев пытался с помощью взяток склонить на сторону шунжан олонецкого воеводу Б.И. Ордина-Нащокина. Но и на сей раз достигнуть желаемого им не удалось. Более того, на обратном пути Иван Евстафьев был арестован и во второй раз оказался в новгородской тюрьме, откуда ему, подкупив стражу, удалось бежать¹⁰.

Между тем к началу 1673 г. крестьяне Шунгского погоста смирились с поражением и “принесли вину свою” властям Тихвинского монастыря. И лишь непримиримые братья Второго продолжали вести борьбу. Через какое-то время Иван Евстафьев в третий раз поехал в Москву, где его опять арестовали и доставили в колодках в Олонец. А в декабре того же 1673 г. в Сибирский приказ была прислана память за

приписью дьяка Новгородского приказа В. Бобинина с указанием “Олонецкого уезду крестьянина Сенку Гемнева, да каргополца посадцкого человека Илюшку Попова, да олончанина ж посадцкого человека Ивашка Остафьева за их воровство з женами и з детми сослать с Олонца в Сибирские города на вечное житье, и жить им на пашне”. Соответствующие грамоты об этом были посланы в Олонец, в Каргополь и в Верхотурье (в последней уточнялось, что конечным пунктом ссылки вышеназванных колодников является Иркутский острог). 28 марта 1673 г. верхотурские воевода Ф.Г. Хрущев и подьячий С. Тютчев сообщили в Москву о том, что к ним привезли “олончан Сенку Гемнева з женою Марьицею да с детми с Окулком, с Трифанком, с Фомкою, с Илюшкою да дочерью Парасковьицею, да посадцкого человека Ивашка Остафьева з женою Василискою да с детми з Гришкою, с Омелкою, с Стенкою, да каргополца Илюшку Васильева сына Попова, а жены ево и детей не присылавали”¹¹.

Одновременно в Повенце был схвачен и Яков Евстафьев, продолжавший вести агитацию против монастыря. Его доставили в Москву, били здесь батогами и посадили “в железа”. Однако “Повенецкий воевода” сумел откупиться и в конце концов получил свободу¹².

Иван Евстафьев пробыл с семьей в Восточной Сибири до 1678 г., после чего был помилован и отпущен домой. Его возвращение совпало по времени с активной деятельностью в городах и слободах Тобольского разряда местных староверов¹³, свидетелями чего были и сам Иван Второго, несомненно, придерживавшийся дониконовских церковных обрядов, и его подростки, в том числе средний сын Емельян. Касаясь этого момента, Р.Б. Мюллер объясняет формирование у Емельяна Иванова радикальных старообрядческих взглядов тем, что как раз в это время “в районе Верхотурья, Туринска и Тюмени огромной популярностью пользовался проповедник Иван Казанец. Под его влиянием в 1679 и следующих годах произошли крупнейшие самосожжения раскольников на речке Березовке, в Мехонской слободе и в деревне Мостовке, где сжигались тысячи людей. Сам же Иван Казанец во всех случаях оставался невредим”. Исходя из предположения, что семейство Второго отбывало ссылку в Верхотурье, Р.Б. Мюллер пишет: “...можно допустить, что Емельян Иванов мог лично встретиться там с Иваном Казанцем. Во всяком случае он не мог не слышать о его деятельности”¹⁴.

В приведенных рассуждениях, помимо неверного предположения о месте ссылки семейства Второго, содержатся еще некоторые неточности, позаимствованные автором из работы Д.И. Сапожникова о старообрядческих самосожжениях¹⁵. Это, во-первых, миф о тождественности трех совершенно разных людей — бывшего казанского чернеца Иосифа Астомена (в миру Ивана Иванисова сына Истомина), нахо-

дившегося в 60-х — начале 80-х гг. XVII в. в ссылке в Енисейском Спасском монастыре, старца Ивана Кодского, занимавшегося вместе со своим другом Авраамием Венгерским проповедью раскола в Тюменском и Тобольском уездах, и гулящего человека Ивана Казанца, “утеклеца” из Березовской “пустыни” старца Даниила (бывшего тюменского попа Дементиана), где в ночь на 6 января 1679 г. произошла крупнейшая в Сибири старообрядческая “гарь”¹⁶. Во-вторых, крестьяне, собравшиеся в 1679 г. в упомянутых Р.Б. Мюллер Мехонской слободе и исетской деревне Мостовке, только грозили властям самосожжением, однако обе трагедии, как это можно понять из источников, были в конце концов предотвращены¹⁷. Вместе с тем, исключать возможность контактов Ивана Евстафьева и его сыновей с сибирскими (в особенности тюменскими) староверами во время возвращения в 1678 г. семейства Второго на родину у нас нет никаких оснований.

Вернувшись домой, Иван Евстафьев вновь оказался в самой гуще событий. Дело в том, что к тому времени часть шунгских крестьян в очередной раз попыталась опротестовать решение правительства о приписке погоста к Тихвинскому монастырю. Еще в июне 1677 г. Яков Евстафьев Второго и Петр Артемьев Волк повезли челобитную об этом в Москву. Одновременно против приписки к Вяжицкому монастырю выступили жители соседнего Толвуйского погоста, где в феврале 1678 г. началось самое настоящее восстание, которое властям удалось подавить лишь в ноябре, послав сюда отряд стрельцов из 400 человек с 5 пушками. В Шунгском погосте пик волнений также пришелся на конец октября — начало ноября того же года.

После подавления выступлений в обоих погостах началось следствие, во время которого со всей очевидностью выявилась руководящая роль в этих событиях братьев Якова и Ивана Второго (последний по возвращении из ссылки был в очередной раз выбран в Шуньге церковным дьячком, однако вышестоящее начальство этот выбор не утвердило¹⁸). Вместе с другими активными участниками движения они были в начале января 1679 г. арестованы. Якова Евстафьева сначала приговорили к смертной казни, после чего заменили ее ссылкой на Яик. Был ли этот приговор приведен в исполнение — неизвестно, но в начале 1680-х гг. Яков по-прежнему проживал в Повенце¹⁹.

Судьба Ивана Евстафьева сложилась иначе: 6 мая 1679 г. в Сибирский приказ были присланы “Олонецкого уезду Шунского погоста вотчины Тихвина монастыря крестьяне, воры и заводчики и бунтовщики, Мишка Шепин, Афонка Соловаров, Афонка Карцов, Дружинка Лукьянов, Пашка Лаврентьев, Филка Афонасьев, шесть человек²⁰, да олонецанин посадкой человек Ивашка Евстафьев, а велено их з женами и з детми сослать в Сибирские города на вечное житье в пашню”. Семья должны были присоединиться к колодникам по дороге в Сибирь. В

грамоте, посланной в Тобольск, уточнялось, что всех их следует везти “в Ёркуцкой”²¹. Однако близ Соли Вычегодской Иван Евстафьев и его сын Емельян сумели бежать²².

Вернувшись в Заонежье, отец и сын Второго некоторое время жили в Повенце, поскольку их дом в Шуньге был конфискован в пользу Тихвинского монастыря. Все еще не теряя надежды на “отлагание” Шунгского погоста от обители, неугомонный Иван Евстафьев с одним из своих товарищей в конце лета — начале осени 1679 г. отправился в Тихвин и подал монастырскому руководству письмо, в котором содержались угрозы поголовного бегства крестьян из погоста. Посланцев схватили, отослали в Новгород и посадили здесь в тюрьму. Пытаясь добиться освобождения своего отца, Емельян Иванов поехал в Москву, но в октябре того же года за подачу челобитной был арестован и посажен “в железа” в Новгородском приказе²³.

Между тем Иван Евстафьев, сумев через полгода каким-то образом обрести свободу, тоже уехал в Москву, где скрывался в ямских и стрельческих слободах. Оказавшись замешанным в событиях, связанных с восстанием московских стрельцов, он был арестован и в третий раз приговорен к ссылке “в Сибирские далние города на вечное житье”. В конце октября 1682 г. “олончанин посадцкой человек Ивашка Евстафьев” с партией других колодников, состоявшей в основном из мятежных стрельцов (И. Алексеева, С. Соколова, И. Зуба и др.)²⁴, отправился через Вологду по этапу и 20 декабря прибыл в Верхотурье²⁵. Далее путь ссыльных лежал через Тобольск в Восточную Сибирь.

Где в это время находился Емельян Иванов — неизвестно. Вполне вероятно, что он тоже был сослан в Сибирь, откуда, как и его отец²⁶, сумел через несколько лет вернуться на родину. А во второй половине 80-х гг. XVII в. Емельян становится одним из самых активных организаторов старообрядческого движения в Заонежье. При этом огромное влияние на него оказали знакомство и общение с бывшим черным дьяконом Соловецкого монастыря Игнатием, о жизни и деятельности которого необходимо рассказать более подробно.

Являясь последовательным сторонником и пропагандистом написания “титлы Пилатовой” на кресте Христовом в форме “ІХЦС” (“Исус Христос Царь Славы”) вместо традиционного “ІНЦІ” (“Исус Назарянин Царь Иудейский”)²⁷, Игнатий вступил на этой почве в конфликт с некоторыми из влиятельных соловецких старцев, из-за чего в конце 1666 или начале 1667 г., т.е. незадолго до начала осады Соловков царскими войсками, вынужден был покинуть монастырь. Впоследствии в разговорах с бывшим шунгским церковным дьячком Даниилом Викулиным и юным Андреем Денисовым он объяснял свой уход из монастыря пророчеством соловецкого юродивого Гурия о том, что ему, Игнатию, предназначено Богом “состроити... велию обитель в славу его”²⁸.

В течение 20 лет Игнатий странствовал по Русскому Северу, в основном в каргопольских и обонежских пределах, проповедуя свое учение о титле на кресте, встречался с игумном Досифеем, иноком Корнилием Выговским, вел переписку с находившимся в пустозерской ссылке протопопом Аввакумом и другими идеологами староверческого движения. Сильнейшее впечатление на него произвело известие о взятии войсками воеводы И. Мещеринова мятежного Соловецкого монастыря и кровавой расправе над его “сидельцами” в январе 1676 г.²⁹ Горечь прежней обиды на соловецких старцев оказалась вытесненной в сознании потрясенного Игнатия комплексом вины перед “страдальцами”. Одновременно он с необыкновенной силой ощутил на себе избранническую миссию продолжателя их дела: “ныне вопиет наша святая Соловецкая обитель, — писал он, — мною, многогрешником чернцом...”³⁰.

Мысль о мученической смерти, уравнивавшей его с соловецкими “отцами”, всецело завладела Игнатием. Обосновавшись в последние годы своей жизни на небольшом острове на Саро-озере в Заонежье³¹, он занялся страстной проповедью идеи самосожжения. При этом соловецкое осадное “сидение” и последовавшая за ним гибель его участников являлись для него, “прежних постриженников последним остальцом”, не абстрактным символом, а безусловным образцом для подражания. “Скончивайте скорые всех нас о истине Христове! — неистово призывал Игнатий представителей власти в одном из своих сочинений. — У кого с кем твердо совет пребывает, еще инок, еще мирянин, еще женеск пол или девицы, каков умыслише конец, сотворити нам, кончивайте скорее, а не вымучивайте повинных!” Сделайте так, писал он, чтобы Господь “суд свой грозной и меч праведной послал бы противу вашего томительства, к нам сотворяемого”, и уничтожил всех вас “также, как вы Божий дом — церковь святую соборную апостольскую — и святую обитель Соловецкую разористе... Не желаем при вашем царствии живота себе, но желаем смерти...”³².

Эта проповедь мученической гибели соотносилась у бывшего соловецкого дьякона с вполне конкретными эсхатологическими представлениями: Емельян Иванов, “собеседник Игнатиев”, занимался, по словам инока Евфросина, распространением его учения о том, что “на сто де девяносто седмой (1688/89. — *А.Ш.*) год свету будет преставление, а Илия де и Енох не будут никогда, а ныне де на Москве царствует Титин”³³.

К тому времени в воспаленном воображении Игнатия уже окончательно сложился страшный сценарий будущей мистерии, которая должна была по меньшей мере четырехкратно воспроизвести гибель Соловков. Главные роли в ней отводились как ему самому, так и трем другим выходцам из Соловецкого монастыря, занимавшимся одновре-

менно с ним проповедью раскола в Поморье, — старцам Пимену, Герману Коровке и Иосифу Сухому³⁴. О том, что Игнатий имел твердое намерение реализовать эту мистерию в определенное время и в определенной последовательности, свидетельствует следующий эпизод. Когда Иосиф Сухой присоединился к одному из готовившихся самосожжений в Дорах³⁵, организатором которого выступал чернец Андроник, Игнатий “написал письмо своеручное ко оному старцу Иосифу, не веляще ему в том собрании быти, и глагола: “Не на ползу ти будет, отче, но изыди вон, не ты их собрал еси, собравший их отцы да скончаются с ними, а ты себе соберещи особь свое собрание””³⁶. Игнатий оказался прав: попытка самосожжения 12 февраля 1684 г. закончилась неудачей, оставшийся в живых Иосиф сначала находился под следствием в Каргополе, после чего его отослали “под начал” в Каргопольский Спасо-Преображенский монастырь (Строкину пустынь), откуда вскоре освободили³⁷. Встретившись после этого с Игнатием, незадачливый старец попросил у него прощения и получил разъяснение по поводу произошедших событий. Оказывается, соловецкий дьякон имел накануне получения известия о готовящейся в Дорах “гари” видение, в котором ему были явлены “четыре корабля великие, полны множества народа христианского, аки по морю, по воздуху плывуще”. После этого Игнатий услышал голос, который поведал ему: “Сей больший корабль твой, а по нем меншии — твоих клеветов, старцев соловецких: отца Пимина корабль, отца Германа корабль и отца Иосифа корабль”³⁸. Нетрудно догадаться, что эти “корабли” должны были символизировать четыре будущих поморских самосожжения.

Судя по всему, сначала Игнатий планировал разыграть первый акт мистерии непосредственно в Сарозерской пустыни. Его подготовку стал осуществлять зимой 1686/87 г. верный ученик соловецкого дьякона, “Повенецкого рядку житель, ведомой вор и пушей церковной раскольник и всего православного христианского народа ненавистник, Емелька Иванов сын Второго”. Совершив со своими помощниками рейд по окрестным селениям, он собрал в Повенце, в Шунгском, Толвуйском и Челмужском погостах и других местах огромную толпу “жилецких людей”³⁹ и привел их на Саро-озеро.

Тем временем Игнатий внес коррективы в свои планы и решил перенести место будущей трагедии в находившийся неподалеку старинный Рождественский Палеостровский монастырь. Этот выбор объяснялся отнюдь не тем, “что, по старообрядческому преданию, именно здесь по приказанию Никона был убит или сожжен первый мученик за старую веру, епископ Павел Коломенский”⁴⁰. Расположенный на острове, со всех сторон окруженном водами Онежского озера, этот монастырь, очевидно, чем-то напоминал Игнатию Соловецкую обитель и вполне подходил для задуманного.

Вскоре в Сарозерской пустыни стало известно о посылке из Олонца “легких людей на лыжах со оружием на взыскание старцов и прочих с ними скитающихся христиан”, причем их “вожами” выступали “Палеостровского монастыря старцы и слуги” (видимо, до монастырского руководства дошли какие-то слухи о намерениях “зборища”). Не теряя времени, Игнатий “собрашися со своими, поиде на лыжах ко Онегу... и пришед через Онего, и пришед в Палеостровский монастырь, затворися со своими оученики...”⁴¹. Произошло это, судя по всему, 20 января 1687 г.

Почти сразу же после “запора” Емельян Иванов с отрядом “ревнителей” совершил вылазку и обратил в бегство посланных из Олонца “гонителей”, которые укрылись в Кижском погосте и послали в Новгород сообщение о произошедших событиях⁴². Уже 2 февраля новгородский митрополит Корнилий писал в Москву, “что в Олонецком уезде, в Палеостровском монастыре, поселились жить воры и церковные раскольники, чернец Игнашка, да Олонецкого уезду Повенецкого рядку житель Омелка Иванов, да Вяжицкого монастыря крестьянин Толвуйскаго погоста Овдейка Алексеев, да с ними мужеска и женска полу с тысяча с двести человек, с ружьем, с пушкой и пищалми, и с копыя, и з бердыши, а братью того монастыря и служек, работников, бив, пограбя, выгнали вон, а церковную утварь и всякую монастырскую казну и письменные крепости они, воры, оставили у себя”⁴³. Вскоре по царскому указу из Новгорода в Заонежье был послан крупный (из 350 человек) отряд стрельцов с артиллерией под командованием подполковника Г. Мишенского⁴⁴.

Узнав о его приближении, Емельян Иванов, приведший накануне в “новую Соловецкую обитель” еще одну толпу людей, готовых на смерть, “с пущими своими воровскими советники, забрав денежную монастырскую казну и святых икон оклады, из того монастыря выбежал в лес”⁴⁵. Сделано это было с ведома и по настоянию Игнатия, поручившего своему верному ученику продолжить начатое дело. “Пойди, чадо, — якобы говорил он Емельяну, — и собери себе другое собрание, возми отца Германа и в сем же месте вскоре по мне за благочестие с прочими скончашися”⁴⁶. Что же касается оставшихся на острове, то они, “дождався служилых людей и, не допуская себя поймать, запершися в монастырскую церковь и в трапезу, и в трапезе згорели все без остатку”⁴⁷. Случилось это 4 марта 1687 г. Сколько тогда погибло людей в “большом” Игнатьевом “корабле” — 1000, 1200, 2000, 2500 или 2700 человек (все эти цифры называют разные источники) — остается только гадать⁴⁸.

А через пять месяцев причалил к своей последней пристани второй из привидевшихся Игнатию “кораблей”: 9 августа того же года “пречестный диакон и благоговейный инок” Пимен Соловецкий, собрав-

ший в деревне на Березове наволоке Кольского присуда более тысячи своих последователей, устроил во время штурма их укрепленной “хармины” посланными из Олонца стрельцами новую “гарь”⁴⁹.

В это время Емельян Иванов скрывался со своими сторонниками в убежище на речке Рязани, “промеж Чолмужского погоста и Повенецкого рядку на лесу в пустых местех, от озера Онега верстах в тридцати”⁵⁰. По ироничному замечанию инок Евфросина, он “жил в пустыни, якож некий воевода, окружаем полками: жен толпы и девичестию лица, яко галицы и горлицы, на смерть паряху”⁵¹. Согласно завещанию Игнатия, в пустынь на Рязань перебрался и будущий “кормчий” третьего “корабля” из Игнатьева видения — старец Герман Коровка. Подготовка к очередному акту мистерии шла полным ходом: “вор и раскольник Емелька с товарищи ево из своих воровских станов из лесу в... Шунгский и Толвуйской и Челмужской погосты и на Повенецкий рядок выходили, и многие тех мест жилецкие люди ему, вору, и товарищам ево стан давали, и в погостах у себя такому воровству завестися норовили”⁵².

Местные светские и церковные власти, и прежде всего старцы возрожденного после произошедшего здесь самосожжения Палеостровского монастыря, чрезвычайно обеспокоенные деятельностью “пустыльников”, всячески старались привлечь к ней внимание вышестоящего начальства в Олонце и в Новгороде. Наконец летом 1688 г. в Заонежье был послан отряд стрельцов под командованием прапорщика А. Портновского. Активные действия “гонителей”, занявшихся разорением “воровских раскольниковых пристанищ” и розыском их обитателей⁵³, ускорили развязку: в ночь на 20 сентября 1688 г. Емельян Иванов с пятью сотнями своих вооруженных последователей (по другим сведениям, их было “человек с полтораста”) вторично овладел Палеостровским монастырем. Захваченные врасплох игумен Пимен, десять монахов и три церковных дьячка были брошены в пустой погреб. Остальные старцы и бельцы едва сумели спастись бегством⁵⁴.

Осаду “новых Соловков” предполагалось разыгрывать по всем правилам, в связи с чем Емельян и его люди “укрепили из монастырского церковного лесу и из старого хоромного строения острог с немалою крепостью”⁵⁵. После этого они отправились в поход по окрестным селениям с целью собрать в монастыре как можно больше оружия, боеприпасов и “святости” — книг, икон и церковной утвари.

Первым делом Емельян Иванов и его товарищи обобрали церковь апостолов Петра и Павла в Повенце. “Видеша бо страсть от Игнатьевои доблести, — замечает по этому поводу инок Евфросин, — поповича убиша и старца приложиша”. Кроме того, Емельян “у своего бо повенчанина, у Григория Захарова, тритцать пищалей и пороху взял немало”⁵⁶.

Тогда же произошло резкое столкновение Емельяна “и его юношь, тако же наглых и свирепых”, с Иваном Евстафьевым Второго, который стал “укачать” своего сына за его “окаянные” действия. Неукротимый старик, всю жизнь боровшийся за мирскую справедливость, был неприятно поражен теми переменами, которые произошли за короткое время с его отпрыском (недаром злые языки называли Емельянова учителя дьякона Игнатия “волхвом и чародеем”, вырезавшим у младенцев сердца и готовившим из них адское зелье, с помощью которого он якобы манипулировал своими последователями⁵⁷). Раздосадованный этими укорами и проклятиями, Емельян “не спустил отцу”: перед уходом он “оком наманув” своим товарищам. “Они же, обратясь, учат мужика обухами по спине: молчи, не ворчи. Ох, старик, ох! — ан едва душа в теле”⁵⁸.

Далее “воинство” Емельяна ограбило церкви в Толвуйском и Челмужском погостах, избив в последнем до полусмерти попа, и разорило “часовню на дороге”. То же самое было совершено в селении на Выро-озере. Возмущенные этими действиями, местные “селчане нападоша на них. Емельян же на утеки”. В это время подоспели стрельцы А. Портновского, получившего накануне подкрепление из Олонца. “Христови же раби едва же отбиша и мало инии в водах не утопша”, переправляясь на Палье-остров, находившийся в Онежском озере в пяти верстах от берега⁵⁹.

После этого началась осада монастыря, сопровождавшаяся перестрелками, неудачным штурмом, переговорами и попытками подкупить Портновского (если верить старообрядческим источникам, прапорщик оказался чересчур жадным, из-за чего во время одной из переговорных встреч его сначала ранили пулей в ногу, а потом в схватке зарубили бердышем). В ноябре в Заонежье прибыл еще один крупный военный отряд под командованием стрелецкого головы М. Мордвинова, после чего был предпринят новый штурм монастыря. Стрельцы под прикрытием возов с соломой шли по льду, в который осажденные в целях дополнительной обороны вморозили косы-горбуши. Во время двухдневного приступа правительственные войска потеряли 20 человек убитыми и более 40 ранеными. 23 ноября 1688 г., после того как монастырские укрепления были взяты, “насмртники”, засевшие в церкви, “сами зажгошася... и тако тии скончашася боле двою тысяч”. (по другим сведениям, в огне погибло 500 или 1500 человек)⁶⁰.

Опираясь, очевидно, на фразу из челобитной игумена Кирилла от 11 января 1700 г. о том, что после второго самосожжения в Палеостровском монастыре “иные из тех воров из скопу вышли, и иные из них многие живут в... Шунском и Толвуйском и Челмужском погостах и на Повенецком ряду”⁶¹, Р.Б. Мюллер пришла к выводу, что “Емельян Иванов опять скрылся заблаговременно. Он с несколькими близкими

людьми довольно долго еще продолжал свою проповедь, встречая сочувствие среди крестьян, которые “их, воров, в дома к себе припускают и всякими припасы ссужают”, как сообщали в Москву монастырские власти”⁶². Это утверждение следует считать недостоверным. По словам инока Евфросина, Емельян Иванов действительно намеревался накануне трагедии покинуть своих товарищей, но они его не пустили и вместе с собой “спалили”⁶³. Погиб с “пассажирами” третьего из Игнатьевых “кораблей” и бывший соловецкий старец Герман Коровка.

А между 12 и 17 августа 1693 г. в деревне Строкиной в Пудожском крае произошла еще одна “гарь”, организованная уже знакомым нам соловецким выходцем Иосифом Сухим и унесшая жизни восьми сотен человек⁶⁴. И это был последний из “кораблей”, привидевшихся черному дьякону Игнатию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О князьях Мышецких, происходивших, согласно их родословной легенде, от маркграфа Андрея Мейсенского, якобы выехавшего на Русь из Саксонии в 1209 г., а по мнению Г.А. Власьева — от одного из потомков князя Михаила Всеволодовича Черниговского, см.: *Дворянские роды Российской империи*. СПб., 1993. Т. 1. С. 163–167.

² Повенец был большим селением, точнее, особым торговым поселком — “рядком”, стоявшим на пути, связывавшим Обонежье с Белым морем. Севернее Повенца начинался “суземок” — глухой и малонаселенный край, ставший в конце XVII в. прибежищем сторонников “старой веры”.

³ Петр Прокопьев, родившийся около 1677 г. от первого брака Прокопия Яковлева сына Второго с Евфросиньей (в иночестве Екатериной), имел единоутробную сестру Февронию. От второго брака у Прокопия были дети Иван, Татьяна и Агрипина. Младшее поколение семей Дениса и Прокопия Второго росло и воспитывалось вместе. Крестным отцом Петра Прокопьева был Андрей Денисов, крестной матерью Ивана Прокопьева — Соломония Денисова (см.: *Юхименко Е.М.* Родственные связи на Выгу в первой половине XVIII в. // *ТОДРЛ*. СПб., 1996. Т. 49. С. 170). О жизни и деятельности Петра Прокопьева см. также: *Поньрко Н.В.* Петр Прокопьев / *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П—С. СПб., 1998. С. 34—35.

⁴ О жизни и деятельности Дениса Евстафьева и его детей, в особенности Андрея и Семена, являвшихся выговскими “большаками”, и Соломонией, ставшей первой наставницей женского Крестовоздвиженского монастыря на Лексе, существует весьма обширная литература. Из современников наиболее подробные сведения о них оставили первый выговский историограф Иван Филиппов (см.: *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862) и Григорий Яковлев, бывший выговец, перешедший в официальное православие (см.: *Яковлев Г.* Извещение праведное о расколе беспоповщины. М., 1888). См. также исследования Н.И. Барсова, Е.В. Барсова, П.С. Смирнова, В.Г. Дружинина, Н.В. Поньрко, Р.О. Крамми, Н.С. Гурьяновой, Л.К. Куандыкова, Е.М. Юхименко и др.

⁵ См.: *Беляев И.Д.* Слово надгробное блаженные памяти боголюбивому Выгопустынного общительства епископу Петру Прокопиевичу, сочинено того же общества господином киновиархом Андреем Дионисиевичем // *РС*. СПб., 1879. Т. 26. № 11. С. 527; *Гурьянова Н.С.* История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996. С. 39–40.

⁶ В вышедшей недавно работе И. Черняковой Иван Евстафьев сын Второго ошибочно определен как отец Дениса Второго и, соответственно, как дед Андрея и Семена Денисовых, хотя на самом деле первому он приходился родным братом, а последним — дядей. Вместе с тем, на основании новых архивных материалов И. Черняковой удалось внести коррективы в приведенную выше родословную. Оказывается, в Повенце жил уже Иван Борисов, который “упомянут как священник церкви Петра и Павла в 1620 г., его сын — Перха Иванов — помогал ему во время богослужений в качестве пономаря. В 1630—1640-х гг. последний сам значится приходским священником в той же церкви” (*Чернякова И.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 242—243).

⁷ Карельская деревня в XVII веке: Сб. док. / Сост. Р.Б. Мюллер. Петрозаводск, 1941. С. 62.

⁸ Мюллер Р.Б. Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем. (В свете изучения имущественного расслоения крестьян) // ИЗ. М., 1953. Т. 43. С. 243—244.

⁹ См.: Карельская деревня... С. 169—171.

¹⁰ См.: Мюллер Р.Б. Борьба крестьян... С. 238—240.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 230. Л. 17—17 об.

¹² См.: Мюллер Р.Б. Борьба крестьян... С. 240.

¹³ См.: *Шашков А. Т.* Из истории антифеодального протеста сибирских крестьян-старообрядцев в конце XVII — начале XVIII в. // Общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1990. С. 60—63.

¹⁴ Мюллер Р.Б. Из истории раскола на севере России (самосожжения в Палеострове) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 180.

¹⁵ См.: *Сапожников Д. И.* Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII). М., 1891. С. 11—12, 14 и след.

¹⁶ См.: *Шашков А. Т.* Изучение урало-сибирского старообрядчества второй половины XVII — начала XVIII в. в отечественной историографии // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 35, 42; *Он же.* Сибирский митрополит Игнатий и “дело” Иосифа Астомена // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 39.

¹⁷ Ср.: ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 218—226.

¹⁸ Отметим, что обязанности церковного дьячка в Шунгском погосте несколько лет исполнял также один из будущих основателей Выговской старообрядческой пустыни Даниил Викулин (см. о нем: *Понырко Н. В.* Даниил Викулин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А—З. СПб., 1992. С. 248—250).

¹⁹ См.: Мюллер Р.Б. Борьба крестьян... С. 241—243.

²⁰ Судя по всему, именно этих людей после битвы кнутом первоначально предполагалось сослать на Терек “на вечное житье” (ср.: Там же. С. 243).

²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 230. Л. 245—245 об.

²² См.: Мюллер Р.Б. Из истории раскола... С. 179.

²³ Там же. С. 179—180.

²⁴ См. о них: Восстание в Москве 1682 г.: Сб. док. / Сост. Н.Г. Савич. М., 1976. С. 182—183, 215—216, 226—227.

²⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 43. Л. 4—5 и след.

²⁶ Р.Б. Мюллер пишет, что Иван Евстафьев “был задержан в конце 1682 г. и сослан в Сибирь, откуда уже не вернулся” (*Мюллер Р.Б.* Борьба крестьян... С. 243; *Она же.* Из истории раскола... С. 180). Однако, по авторитетному сообщению инок Евфросина, Иван Второго в конце 80-х гг. XVII в. жил уже в Повенце (см.: Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Новь найденный старообрядческий трактат против самосожжений 1691 года / Сообщ. Хр. Лопарева // ПДПИ. СПб., 1895. Вып. 108. С. 28).

²⁷ Это учение было изложено Игнатием в особой "Книге" и в челобитной, адресованной царю Алексею Михайловичу (см.: *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. 016—018, 045—047; Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998. С. 39—64).

²⁸ *Филиппов И.* История... С. 46, 82. По словам Семена Денисова, Гурий якобы говорил черному дякону: "Игнатие, изыди от монастыря сего, ибо свой монастырь, равный, собереш" (Повесть об осаде Соловецкого монастыря // ПЛДР. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 158).

²⁹ Подробно о реакции Игнатия на эти события см.: *Бубнов Н.Ю.* Неизвестная челобитная дякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 92—113; *Демкова Н.С.* Из истории ранней старообрядческой литературы. IV. "Исповедание" Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 г. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 318—325; Памятники... С. 65—135.

³⁰ *Бубнов Н.Ю.* Неизвестная челобитная... С. 111.

³¹ См.: *Филиппов И.* История... С. 86; *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы... С. XI; *Зеньковский С.* Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 454.

³² *Демкова Н.С.* Из истории... С. 324.

³³ Отразительное писание... С. 26. Об эсхатологических построениях Игнатия см. также: *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667—1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 113; Памятники... С. 33—37.

³⁴ Подробно о них см.: *Юхименко Е.М.* Сведения о соловецких выходах в "Истории о отцах и страдальцах соловецких" Семена Денисова // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6, ч. 2. М., 1993. С. 271—277.

³⁵ О Дорских самосожжениях см.: *Юхименко Е.М.* Каргопольские "гари" 1683—1684 гг. (К проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С. 64—119.

³⁶ *Филиппов И.* История... С. 45.

³⁷ См.: *Юхименко Е.М.* Каргопольские "гари"... С. 72, 106.

³⁸ *Филиппов И.* История... С. 45—46.

³⁹ Карельская деревня... С. 318.

⁴⁰ *Зеньковский С.* Русское старообрядчество... С. 445; *Бубнов Н.Ю.* Игнатий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И—О. СПб., 1993. С. 25. На самом деле, согласно поморской традиции, Павел Коломенский лишь некоторое время находился в заточении в Палеостровском монастыре, после чего его "отгуду к Новоградским странам отвезше", где и сожгли в срубе (*Денисов С.* Виноград российский, или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М., 1906. Л. 15 об. — 16). О сожжении Павла, епископа Коломенского, произошедшем 3 апреля 1656 г. в Новгороде, сообщают и другие старообрядческие источники.

⁴¹ *Филиппов И.* История... С. 37—38. Об особом отношении местных жителей к островным монастырям см.: *Теребихин Н.М.* Мифология островной культуры Русского Севера // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994. С. 112—114.

⁴² *Филиппов И.* История... С. 38.

⁴³ *Барсов Е.В.* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 1. С. 188.

⁴⁴ См.: РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2868. Л. 1—3; АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 253; *Филиппов И.* История... С. 38.

⁴⁵ Карельская деревня... С. 318.

⁴⁶ Филиппов И. История... С. 43.

⁴⁷ Карельская деревня... С. 318. Если верить сообщению инок Евфросина, накануне самосожжения Игнатий, намереваясь продолжить свою деятельность, попытался покинуть "насмртников", но они его непустили (см.: Отразительное писание... С. 27).

⁴⁸ На основании ошибки в дате, имеющейся в одном из документов, посвященных первой Палеостровской "гари", Д.И. Сапожников выдвинул версию о двух самостоятельных самосожжениях, произошедших в Палеостровском монастыре в 1687 г. Первое из них якобы организовал в январе — феврале один Емельян Иванов. В подготовке второго, случившегося 4 марта, принял также участие Игнатий, которого Емельян впервые встретил на дороге в Повенец, когда бежал из охваченного пламенем монастыря (см.: Сапожников Д.И. Самосожжение... С. 28—29). Полное несоответствие этих построений фактам, содержащимся в источниках, отмечал еще в конце XIX в. Х.М. Лопарев (см.: Отразительное писание... С. 042—045).

⁴⁹ См.: Филиппов И. История... С. 27—34; 46, 81—82, 276; Пыпин А.Н. Сводный старообрядческий Синодик // ПДПИ. СПб., 1883. Вып. 44. С. 10. По сообщению Выгорецкого летописца, в этом самосожжении погибло 1500 человек (см.: Яковлев Г. Извещение... С. 149).

⁵⁰ Филиппов И. История... С. 98; АИ. Т. 5. С. 254.

⁵¹ Отразительное писание... С. 28.

⁵² Карельская деревня.. С. 318. Ср.: Филиппов И. История... С. 47.

⁵³ См. об этом: АИ. Т. 5. С. 255—256; Филиппов И. История... С. 47—53.

⁵⁴ См.: АИ. Т. 5. С. 260; Барсов Е.В. Палеостров... С. 159—160; Отразительное писание... С. 28.

⁵⁵ Карельская деревня... С. 319.

⁵⁶ Отразительное писание... С. 28.

⁵⁷ Эти слухи охотно использовали в своих полемических трактатах митрополиты Игнатий Римский-Корсаков и Димитрий Ростовский, а также другие обличители раскола. Впрочем, по мнению П.С. Смирнова, речь в данном случае могла идти и не об Игнатии (см.: Смирнов П.С. Внутренние вопросы... С. 098).

⁵⁸ Отразительное писание... С. 28—29.

⁵⁹ Там же. С. 29—30.

⁶⁰ Там же. С. 30—32. См. также: Филиппов И. История... С. 53—59; АИ. Т. 5. С. 258—260; Барсов Е.В. Палеостров... С. 159—160, 188—189; Карельская деревня... С. 319.

⁶¹ Карельская деревня... С. 319.

⁶² Мюллер Р.Б. Из истории раскола... С. 181.

⁶³ Отразительное писание... С. 54.

⁶⁴ См.: АИ. Т. 5. С. 378—394. Согласно сообщению Ивана Филиппова, во время прений с никонианами Иосиф Сухой, вышедший "на хоромы на кровлю", был застрелен из мушкета (Филиппов И. История... С. 62—63).